 Газета — 2005 — 28 мая — с 15.

гусь ослу не товарищ

АРТУР СОЛОМОНОВ

В Москве состоялась мировая премьера спектакля «Кони ветра» конного театра «Зингаро». Руководитель театра Бартабас пригласил для участия в спектакле тибетских монахов. А также гусей и осла.

Красотища. Лошади — из Аргентины. Тибетские монахи играют на ритуальных инструментах, отстраненны и возвышенны. В памяти остается, запах восточных благовоний, загадочная музыка; просьба «не аплодировать во время спектакля, поскольку в представлении участвуют монахи»; «труппа» безнадежно тупых гусей, которых кормит всадница, а они и боятся ее, и жрать хотят (сколькими смыслами — сакральными и не очень — можно загрузить эту великолепную сцену!); нередко возникающее чувство, что перед тобой не человек и лошадь, а кентавр; женщина, выкрашенная в нестерпимо синий свет, гарцующая на коричневом осле; огромный прозрачный шатер, создающий иллюзию, что все, что происходит под этим куполом, то ли было сотни лет назад, то ли устремляется туда, где «времени больше не будет».

Тема: человек и время. По арене проносятся всадники в тибетских масках смерти. Завораживает. Пасется стадо. Человека пока нет. Начало мира. В центре арены гарцует всадник — сам Бартабас. Чем ближе конец спектакля, тем меньше у этого всадника пространства и времени. А в финале он исчезнет вовсе.

Силы, чуждые человеку, проявляются, когда на сцене в луче света танцует монах, когда чьи-то фигуры несутся на лошадях в ритуальных масках смерти. Для Бартабаса начало природное и мистическое — суть одно. Они сливаются, но редко соприкасаются с человеком. Только тогда, когда он ищет взаимопонимания с животным и когда пытается «припасть к корням». Что и сделал Бартабас, показав на сцене взаимоотношения человека и животного и попытавшись — не в первый раз — обратиться к ритуальному театру.

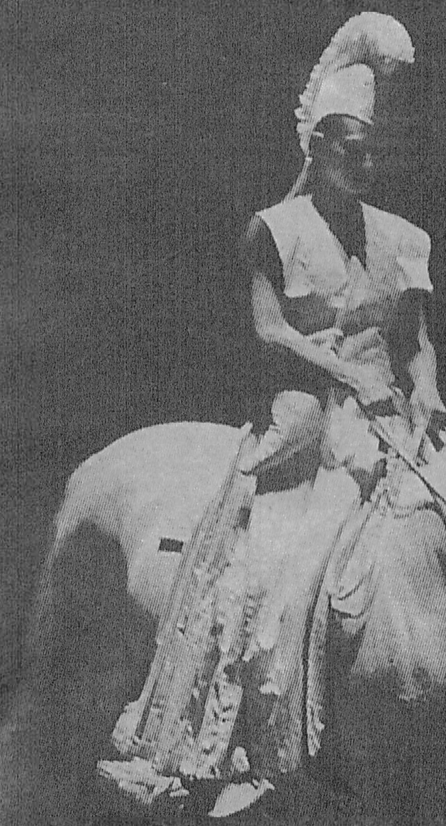
Желание создать шоу — из театрального прошлого Бартабаса: он был артистом уличного театра и работал в цирке. Стремление к ритуальному театру — от желания это прошлое преодолеть. А потребность слить театр Востока и Запада, медитацию и цирк — дань современной эклектике. Говорят, все в современном мире стремится сочетаться меж собой. Культуры стремятся к синтезу, религии — к взаимопроникновению.

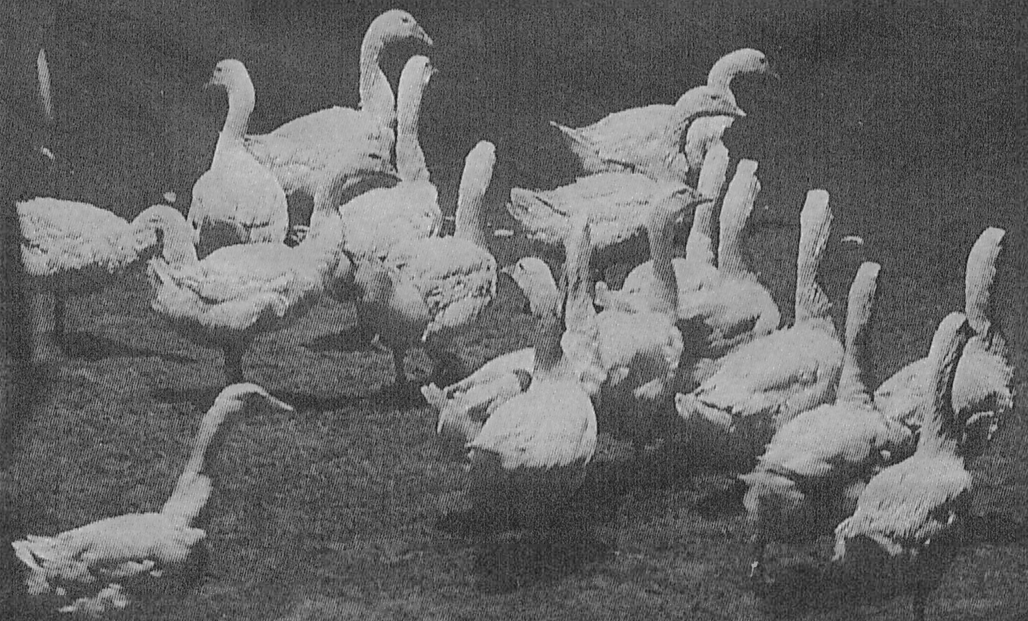
Бартабас хотел накормить всех — и тех, кто настроен на ритуал, и тех, кто хочет полюбоваться на коней, и любителей шоу, и этнографов. И профанов, и тех, кому кажется, что он буддист. Обилие задач, мне кажется, подвело. Хотя, если бы он вытянул лишь одну линию, было бы оглушительно хорошо.

Кажется, Бартабас сам с некоторой снисходительностью относится к тому, что великолепно умеет делать: все эти трюки, аттракционы, лошади, которые без присутствия человека и танцуют, и выстраиваются в линию, и скачут стройными рядами... Бартабас действительно стремился к театральному зрелищу — с продуманной драматургией, слиянием картинки и музыки, сюжетом и актерской игрой. Но на этот раз Бартабас, пригласив тибетских монахов, введя элементы тибетской музыки, древние маски, религиозные танцы, повлек свое представление в сторону ритуального театра. Не меньше.

Но поскольку Бартабас, в театре которого играют лошади, а в этот раз и стая гусей, и один осел, направил свои поиски в эту сторону, то проблема ритуального театра предстала в таком парадоксальном аспекте, что грех его не обозначить — хотя бы слегка.

Сегодняшний зал — Вавилонская башня в отношении вопросов веры, религии и ритуала. Если использованы маски, жесты, музыка Тибета — я могу отнестись к этому действу как к отправлению некоего религиозного культа? Или эти жесты, маски и музыка могут жить только в том случае, если на них направлены благоговейные взгляды? Если же мой интерес только этнографический — можно ли говорить о ритуальном театре?





После того, как женщина, выкрашенная в синий цвет, погоняет по сцене осла, всадница выведет на прогулку гусей. Фотограф: Владимир Луповской Фотограф: Владимир Луповской